

ДЖУЛИ АБРАМСОН

ИНЕЙ
И
ПЕПЕЛ

Не зови меня по имени

18+

Джули Абрамсон

Иней и пепел

«Автор»

2026

Абрамсон Д.

Иней и пепел / Д. Абрамсон — «Автор», 2026

Она не помнит, что попросила его сделать. Он не может забыть. Эйра приходит в город зимнего двора фейри без памяти о том, кем была. Только шрам на запястье и записка в кармане. Её почерк. Её слова: «Не влюбляйся в него снова. Пожалуйста.» Кейн правит зимним двором двести восемьдесят лет. Семь из них хранит то, что она попросила взять — каждую секунду того, что между ними было. Семь лет молчит. Потому что обещал. Потому что она велела. Пока Эйра ищет правду — цветы прорастают из мёртвого мрамора под её ногами. Древняя магия, из-за которой триста лет назад сожгли целый народ, просыпается снова. И те, кто боится этого, уже начали действовать. «Иней и пепел» — тёмное фэнтези о двух дворах фейри, о забытой магии и о любви, которая пережила собственную смерть. Для тех, кто любит медленное притяжение, игру власти и героев, чья история началась задолго до первой страницы.

© Абрамсон Д., 2026

© Автор, 2026

Джули Абрамсон

Иней и пепел

Глава 1

Иней и пепел

Не зови меня по имени

— . —

«Не влюбляйся в него снова.

Пожалуйста.»

- записка, написанная ею себе в ту ночь

ОТ АВТОРА

Говорят, в начале не было двух дворов.

Было одно царство. Одна магия. Один народ.

Но однажды кто-то спросил:

«Что важнее - помнить или забыть?»

И мир раскололся.

— . —

На западе - Двор Асфодель. Вечная осень. Магия здесь помнит всё: каждый камень, каждую потерю, каждое имя. Здесь не прощают и не отпускают. Здесь любят так, что от любви умирают.

На востоке - Двор Морэ. Вечная зима. Магия здесь забывает - точно, намеренно, навсегда. Здесь стирают то, что нельзя пережить. Здесь любят так, что в одну ночь можно отдать всё, что было.

Между ними - Разлом.

Никто не знает, что живёт на его дне. Он дышит. Он берёт у каждого, кто переходит, именно то, что ты больше всего боишься потерять.

У одних - голоса любимых. У других - лицо матери. У третьих - собственное имя.

Иногда в тумане слышатся имена. Свои.

— . —

Три века назад что-то случилось на границе.

Что именно - не помнит никто.

Или не хочет.

Или был кто-то, кто позаботился об этом.

— . —

Эта история начинается там, где заканчивается память.

И там, где она вопреки всему - возвращается.

— . —

Добро пожаловать в Двоецарствие.

Я рада, что ты здесь.

— . —

«Возвращайся другой. Возвращайся незнающей.

Я буду ждать даже твою ненависть -

потому что хотя бы так ты будешь жива.»

— . —

Морэн

— . —

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Разлом

— . —

Туман пахнет кровью и старым золотом.

Я узнаю этот запах раньше, чем успеваю его почувствовать. Он живёт во мне где-то ниже мысли - в том тёмном, неосвещённом углу, где тело помнит то, чего голова не помнит уже давно. Он поднимается по горлу как предчувствие - сладкое, железное, такое знакомое, что сводит зубы. Туман всегда пахнет здесь так. На границе. В месте, которое не принадлежит никому и у каждого забирает своё.

Ты уверена.

Голос. Низкий. Почти без интонации - будто человек, которому он принадлежит, давно разучился вкладывать в слова больше, чем необходимо. Не вопрос. Утверждение. Как будто он уже знает ответ и просто даёт мне последний шанс сказать что-то другое.

Туман. Силуэт в тумане. Что-то тёплое на моей щеке - чья рука? Моя? Его? Кожа помнит прикосновение, и это помнят даже те, кто забыл всё остальное - чьё прикосновение было последним, когда ты что-то теряла. Не забывается. А у меня - забылось.

Пожалуйста, - слышу я собственный голос. Чужой. Взрослый. Голос женщины, которая всё уже решила и теперь просто ждёт, когда это будет сделано. - Пожалуйста. Сделай это.

Темнота. Такая густая, что в ней можно плавать.

— . —

Ветер бьёт в лицо - и я возвращаюсь.

Одна секунда беспомыслия, чёрной, как проглоченная монета. Потом мир встаёт на место: тяжело, криво, как возвращают на место сломанное. Дорога под сапогами. Сумка, оттягивающая плечо. Стёртые до пузырей пятки. Плечи, которые болят уже сутки и будут болеть ещё столько же.

Во рту - кровь. Я прокусила губу даже не заметив когда.

Обрывок рассыпается. Остаются три осколка: чья-то рука, чьё-то «пожалуйста» и звериное эхо в груди - будто сердце только что прокричало и теперь молчит, стыдясь.

Я выдыхаю. Передо мной Разлом. Я представляла его иначе.

Все эти годы - яростным. Рвущейся землёй. Огнём.

А он молчит.

Лежит передо мной длинной тёмной полосой, как рана, которую кто-то давно нанёс земле и забыл зашить. Края дышат - не двигаются, именно дышат, как спящее животное, которому снится что-то нехорошее. Туман поднимается из трещины мягкими витками, не спеша. У него впереди вечность. У меня - нет.

У моих ног лежит перчатка.

Одна мужская перчатка чёрной кожи, потёртая на костяшках так, как стираются перчатки у тех, кто часто сжимает кулак и ещё чаще заставляет себя этого не делать. Лежит так, будто её только что уронили.

Я не решаюсь поднять её.

Что-то во мне - тихое, старое, безымянное - говорит: не надо. И я слушаюсь.

Но смотрю долго. Дольше, чем стоило. И на секунду - одну предательскую секунду мне кажется, что если её подниму, если только натяну на свою ладонь, я вспомню.

Заставляю себя отвернуться.

Никто не переходит задаром, девочка.

Голос той женщины. Позавчера, в Вэрите. Старая, с глазами, которые видели слишком много и перестали удивляться.

Разлом берёт что захочет. Иногда ты даже не замечаешь, что отдала.

А если у меня нечего взять? - спросила я тогда.

Слово выскользнуло само. Она молчала долго.

Тогда он сам найдёт.

— · —

Я делаю шаг.

Трава под сапогами белая. До корня, до самой жилы. Хрустит как кости. Тонкий высокий звук, от которого сводит зубы. Туман начал густеть так, как будто обретает вес. Сначала из виду уходят сапоги. Потом колени. Потом рука, которую я вытягиваю перед собой, исчезает в белом.

И тогда я слышу его.

Не снаружи. Внутри. Под кожей.

- Ты уверена.

Я останавливаюсь так резко, что в колене щёлкает. Воздух выходит из меня весь, сразу - будто кто-то с силой надавил мне в грудь между рёбер.

Тот же голос. Низкий, ровный, без удивления - будто он уже произносил эти слова однажды и теперь повторяет, в точности, как-тогда. Сердце пропускает удар. Потом бьёт дважды - быстро, догоняя.

Кожа поднимается дыбом. Живот сжимается. Колени будто не мои.

Эта реакция случается один раз. На один голос.

Но я его не знаю.

- Прекрати, - шепчу вслух.

Туман проглатывает звук раньше, чем тот успевает улететь.

— · —

Под ногами меняется звук.

Трава кончилась. Теперь камень - гладкий, отполированный временем. Я в середине Разлома.

- Повернись.

Тот же голос. Ближе.

Я не поворачиваюсь.

Сжимаю зубы и делаю ещё шаг.

- Повернись. Пожалуйста.

Это «пожалуйста» хуже приказа.

Я спотыкаюсь - ни о что. Сердце стучит так громко, что слышу его отдельно от себя.

Пожалуйста.

То самое слово. Которое минуту назад - в том проблеске, в тёмной комнате со свечами - шептала я. Шептала кому-то, чьё лицо я не видела. Словно туман возвращает мне моё собственное слово. Словно говорит: я помню. Теперь - я.

- Я тебя не знаю, - говорю вслух. Твёрдо. - Кто бы ты ни был. Я. Тебя. Не знаю.

Долгая тишина.

И потом - тихо, так тихо, что почти не слышу:

- Знаешь.

— · —

Туман взрывается.

Не светом. Памятью.

Комната. Тёмная. Свечи. Чьи-то руки у моего лица - холодные, с серебряным отливом на костяшках. Тонкие узоры на его предплечьях, цвета инея. В темноте они слабо мерцают, как иней при луне.

Я вижу себя его глазами - на одну секунду - и вижу, что я плачу.

А потом снова - моими.

И над моим лицом - его глаза. Синие, как глубокая вода подо льдом. В них - боль, отодвинутая в сторону. Решение, принятое против себя. Любовь, которая знает, что её сейчас убьют, и соглашается.

Его большой палец вытирает слезу на моей щеке. Медленно. Как будто прощается с ней отдельно.

- *Пожалуйста, - слышу я свой голос. - Пожалуйста. Сделай это.*

- *Эйра, - говорит он.*

И впервые в его голосе есть интонация. Что-то, что ломается на моём имени, как лёд под тяжестью.

Всё.

— . —

Я на коленях.

Не помню, когда упала. Ладони на камне. Камень тёплый - от меня. Что-то горит в моей крови. От кончиков пальцев идёт тонкий пар.

Я смотрю на пар. Не как от живого. Как от чего-то, что-только что проснулось.

И на земле под моими ладонями - там, где они касаются камня - между серыми камнями пробиваются тонкие нити. Серебристо-зелёные. Как корни. Как первая жизнь.

Я отдёргиваю руки.

Нити остаются.

Я плачу. Замечаю это только сейчас. Поднимаю пальцы к лицу. Щёки мокрые.

- Нет, - говорю камню. Себе. Ему. Всем сразу. - Нет. Я не хочу. Не сейчас. Не здесь.

Туман вздрагивает. Слышит.

И отпускает.

— . —

Я поднимаюсь так, как поднимаются после удара - не после падения. Делаю аккуратно шаг. Потом ещё. Иду, пока под сапогами снова не оказывается земля. Настоящая. С обычной травой.

Оглядываюсь.

Разлом за моей спиной - тёмный, спокойный. Будто ничего не было.

На внутренней стороне моего правого запястья - тонкая розовая полоса. Свежая. Которой минуту назад не было.

Медленно переворачиваю левую руку.

Там - старый шрам. Побелевший. Ему годы. Я никогда не знала, откуда.

Теперь он один из пары.

И это сходство так точно, так откровенно, что у меня подгибаются колени. Будто кто-то много лет назад разрезал меня пополам, а сегодня вернул вторую половину и сказал: вот, теперь у тебя есть обе. Попробуй забыть.

Тогда он сам найдёт.

- Нашёл, - говорю тихо себе.

И иду дальше.

— . —

Город виден издалека.

Огни его - маленькие, янтарные - мерцают в сумерках. Два часа ходьбы. Вэрит уже позади; этот другой. Называется словом, которое я никогда не произносила вслух.

Морэн. Приграничный город зимнего двора.

На последнем холме останавливаюсь. Огни внизу не янтарные. Бледно-синие. Ледяные. В их свете силуэты домов кажутся вырезанными из чего-то хрупкого. Улицы идут прямо, без изгибов. Крыши острые.

Всё острое.

Поправляю капюшон, подтягиваю сумку и начинаю спуск.

— . —

Он ждёт, пока её силуэт не скрывается за первым поворотом дороги.

И ещё минуту после этого. Просто на всякий случай. На случай, если она обернётся.

Она не оборачивается.

Он выходит из-за камней, где стоял всё это время. Высокий. В тёмном. Волосы серебряные - не от луны, сами по себе серебряные.

Наклоняется. Поднимает с земли чёрную кожаную перчатку свою и медленно натягивает обратно. Под манжетой, на внутренней стороне запястья, розовая полоса. Тонкая. Свежая. Появилась минуту назад - в ту секунду, когда появилась её.

Смотрит на неё долго. И медленно проводит по ней одним пальцем. И в эту секунду - на коже над шрамом - что-то тонкое расходится в стороны. Бледно-голубое. Ломаное, несимметричное.

Узор инея. Та линия, которой он не носил семь лет. Ушла вместе с ней. Семь лет - пустое место.

Сейчас - вернулась.

Он смотрит на свою кожу долго. Потом застёгивает манжету.

Двести восемьдесят лет. Он видел, как умирают звёзды. Видел, как исчезают народы. Видел достаточно, чтобы больше ничего не чувствовать.

Но это - не научился.

Это каждый раз заново.

- Эйра, - говорит он тихо, в никуда.

Имя падает в воздух и остаётся там.

Закрывает глаза. Один удар. Два. Открывает.

И уходит в противоположную сторону. По тропе, которая ведёт не к городу.